

Ментальные репрезентации в переводческой деятельности

Рафикова Антонина Семеновна, кандидат психологических наук,
старший научный сотрудник
Государственный Академический Университет Гуманитарных Наук

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению ментальных репрезентаций, участвующих в процессе перевода. Ментальные репрезентации могут способствовать процессам обучения при письменном и устном видах перевода. В когнитивных науках разрабатываются новые динамические модели ментальных репрезентаций, что может быть многообещающим направлением исследований когнитивного перевода.

Ключевые слова: ментальные репрезентации, интеллект, перевод.

Mental representations in translation

Rafikova Antonina, Candidate of psychological sciences, senior researcher
State Academic University for the Humanities, Moscow

Abstract. The article is devoted to the consideration of mental representations involved in the translation process. Mental representations can facilitate learning processes in translation and interpretation. The cognitive sciences are developing new dynamic models of mental representations, which may be a promising line of research in cognitive translation.

Keywords: mental representations, intelligence, translation, interpretation.

DOI: 10.5281/zenodo.4072064

Понятие «ментальные репрезентации» широко используется в философии, лингвистике, искусственном интеллекте и нейробиологии [10]. «Ментальная репрезентация – это актуальный умственный образ того или иного конкретного события (т. е. субъективная форма «видения» происходящего)» [1]. В процессе получения высшего образования ментальные репрезентации представляют собой оперативную форму ментального опыта учащихся. Создание условий для формирования основных структур этого опыта позволяет расширить и усложнить образ той или иной конкретной учебной ситуации. Это, в свою очередь, влияет как на повышение уровня понимания учебного материала, так и на динамику интеллектуального роста учащихся.

Пайвио (1990) выделил три уровня использования понятия ментальных репрезентаций: психологически «реальные», интроспективно наблюдаемые события, такие как язык или образы; предполагаемые психические структуры или процессы; и теоретические конструкции, используемые для моделирования и объяснения наблюдаемых и гипотетических процессов. Исторически ментальные репрезентации понимались как физические репрезентации и описывались и классифицировались по аналогии с физическими; одно из наиболее очевидных различий – это различие между изображениями и языками [6]. Репрезентации, подобные картинкам, описываются как аналогичные, изоморфные и модальные, специфичные для каждой сенсорной модальности; языковые представления определяются как цифровые, произвольные и амодальные, то есть как формально отделенные от того, что они представляют.

Большинство теорий перевода, разработанных в 1960-х и 1970-х годах, фокусировались на отноше-

ниях эквивалентности и согласовывались с вычислительным подходом, рассматривая объект своего исследования как в основном работу с символами [7]. Перевод понимался как управляемое правилами преобразование символов одного кода в символы другого кода. Развитие этой модели кодирования / декодирования было тесно связано с разработкой машинного перевода [5]. С другой стороны, Д.Спербером и Д.Уилсон была разработана теория релевантности, в основе которой лежит тезис когнитивной концепции: когнитивные процессы человека организованы таким образом, что производят как можно большее количество операций за счет как можно меньшего ментального усилия [12]. Э.А. Гутт применил теорию релевантности к переводу и объяснил перевод с точки зрения ментальных репрезентаций [3].

По мнению Э. – А. Гутта, только то, что имеет ментальную репрезентацию, может влиять на процессы перевода и коммуникации, что предполагает четкую границу между внутренним, психическим миром переводчика и миром «снаружи». На основе теории релевантности была разработана модель, основанная на инференционных процессах и психологической оптимизации в качестве альтернативы модели коммуникации кодирования-декодирования [3]. Предложение Гутта о применении теории релевантности к переводу также было направлено на преодоление недостатков подходов, основанных на кодовой модели коммуникации.

Гутт выделил два типа ментальных репрезентаций, участвующих в вербальной коммуникации: семантические репрезентации (результат языкового модуля) и мысли в форме предложений с истинно-условной ценностью. Первые связаны только с лингвистическими знаниями; они подобны схемам или

чертежам, которые необходимо разработать, чтобы они были связаны с внешним миром. После того как языковой модуль декодирует язык, полученные семантические представления необходимо дополнительно обработать, чтобы они стали утверждениями с условием истинности. Для этого в игру вступают новые ментальные репрезентации, составляющие контекст или когнитивную среду, которая определяется как «набор предпосылок, используемых при интерпретации высказывания» [12]. Эти предпосылки представляют собой предположения о мире, и также имеют форму утверждений, обусловленных истинностью [12].

Комбинация пропозиционального содержания высказывания с контекстными предположениями принимает форму логической обработки и производит контекстные эффекты, то есть модификации когнитивной среды. Чтобы смоделировать систему, используемую в этой инференционной обработке, Спербер и Уилсон (1989) постулировали дедуктивную систему, выполняющую набор заранее определенных операций. Системы ввода обрабатывают перцептивную информацию в формате, соответствующем каждой сенсорной модальности, в то время как центральные системы интегрируют информацию, предоставленную различными системами ввода и памятью, посредством логической обработки. Используемая здесь модель психики соответствует традиционной метафоре компьютера. «Одна из функций входных систем состоит в трансформации сенсорных представлений в концептуальные, имеющие один и тот же формат, независимо от сенсорной модальности, из которой они происходят. Именно потому, что они оперируют такими модально-нейтральными концептуальными представлениями, центральные процессы могут интегрировать и сравнивать информацию, полученную из различных систем ввода и из памяти» [12].

В области письменного и устного перевода создание ментальных представлений может помочь переводчикам понять исходный текст и избежать вмешательства со стороны исходного языка. Этот дидактический подход был предложен Даницей Селескович и Марианной Ледерер, создателями Парижской школы, разработавшей интерпретативную теорию перевода. Эта переводческая концепция [11] описала процесс интерпретации и перевода как повторное выражение смысла текста посредством его девербализации и последующей ревербализации на целевом языке. По мнению Селескович и Ледерер, при вербальном общении языковые формы исчезают, оставляя понимание смысла, которое затем может быть спонтанно выражено на целевом языке. Смысл определялся как невербальная ментальная репрезентация, возникающая в сознании переводчика в результате взаимодействия лингвистического значения и когнитивного дополнения. Для освобождения смысла от слов исходного языка, по мнению Селескович и Ледерер, переводчику надо визуализировать изображения, предлагаемые текстом [11]. По их мнению, мысленное видение объекта или события эквивалентно пониманию смысла. Визуализация может быть использована как техника, помогающая студентам уловить смысл и забыть слова исходного текста.

В своей модели Селескович и Ледерер описали процесс устного перевода как трехэтапный процесс: «дискурс 1 – девербализированный смысл – дискурс 2». Понятие смысла как ментальной репрезентации, которая отделена от языка и может быть идентично выражена на любом языке [3], предлагает идеализированный взгляд на процесс устного перевода. В данном контексте в сознании переводчика не было взаимодействия между языками: они оставались разделенными невербальными мысленными репрезентациями смысла. Однако психолингвистические исследования билингвизма показали, что нет четкого разделения между двумя языками в условиях билингвизма [9].

Подобно естественным языкам, символические представления имеют композиционную структуру. Согласно определенным правилам операции над символическими единицами порождают более сложные структуры, значение которых является функцией составляющих их частей. Напротив, невербальные представления имеют целостную, непрерывную гештальт-подобную структуру. Хотя их можно разложить на части, эти части не являются дискретными единицами и не могут быть объединены в соответствии с правилами, подобными грамматике. В 1970-х годах в области семантики символические ментальные репрезентации начали заменяться схемами, основанными на опыте, которые были предложены семантикой прототипов и семантикой фреймов [5]. Эти схемы были результатом обучения и опыта и подобны изображениям, хотя и более абстрактны [6]. «Фреймы» были описаны как структуры знаний, в терминах которых мы интерпретируем нашу среду, формулируем и понимаем сообщения и создаем внутреннюю модель нашего мира [5].

В 1980-х годах схемы, основанные на опыте, были введены в перевод в рамках функциональных подходов. Вермеер и Витте (1990) и Кусмаул (2000), например, применили теорию прототипов и семантику сцен и кадров к переводу [5]. Подобно сторонникам интерпретирующей модели, исследователи функций [4] выступали за педагогическое использование ментальных образов в качестве основы для переводческого процесса. Они сосредоточились на первоначальном представлении Филлмора (1977) о «сцене», понимаемой как мысленный образ, вызванный текстом, и утверждали, что «сцены» могут помочь переводчикам понять исходные тексты и найти адекватные переводы.

Гипотеза гравитационного притяжения основана на когнитивно-семантической концепции семасиологической значимости лингвистических категорий [2]. Основная идея заключается в том, что наиболее важные лингвистические элементы (лексика или грамматические конструкции) с большей вероятностью будут выбраны переводчиками и, следовательно, будут чрезмерно представлены в данных переводческого корпуса. Ментальные представления, основанные на опыте, применялись в исследованиях перевода с акцентом на их социальные и культурные аспекты. Neubert и Shreve (1992) подчёркивали важность согласования культурных рамок при переводе, а Rojo (2002) применил семантику фреймов к пере-

воду юмора, включив социальное измерение фреймов в качестве структур взаимодействия [5]. Этот акцент на культурных измерениях основан на идее, что ментальные репрезентации могут быть по-разному организованы по исходным и целевым группам, и что переводчики должны выявлять эти различия, чтобы сопоставлять структуры из текстов на языке - источнике и целевом языке.

Общим для описанных подходов, является предположение, что человеческое познание опирается на определенные ментальные репрезентации: и когнитивизм, и коннекционизм изображают познание как разработку внутренних репрезентаций внешнего мира. Для когнитивизма ментальные репрезентации символичны; для коннекционизма это субсимволические, распределенные паттерны умственной деятельности [5].

Литература:

1. Холодная М. А. Психология интеллекта: Парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002. – 272с.
2. Halverson, Sandra Louise (2017). Gravitational pull in translation. Testing a revised model. *Empirical Translation Studies. New Methodological and Theoretical Traditions*. ISBN: 9783110456844. Mouton de Gruyter. cap. 1. Pp. 9 - 46.
3. Gutt, E.-A. (2000 [1991]) *Translation and Relevance: Cognition and Context* (2nd ed.). Manchester/Boston: St. Jerome Publishing.
4. Kußmaul, P. (2005). Translation through visualization. *Meta*, 50(2), 378–391.
5. León de, C. M. Mental Representations. *The Handbook of Translation and Cognition*, 106–126.
6. Paivio, A. (1990). *Mental Representations*. Oxford: Oxford University Press.
7. Risku, H. (2002). Situatedness in translation studies. *Cognitive Systems Research*, 3, 523–533.
8. Schaeffer, M., & Carl, M. (2013). Shared representations and the translation process. *Translation and Interpreting Studies*, 8(2), 169–190.
9. Schwieter, J. W., & Ferreira, A. (2014). Underlying processes of L1 and L3 word translation: Exploring the semantic relatedness effect. In J. W. Schwieter & A. Ferreira (Eds.), *The Development of Translation Competence: Theories and Methodologies from Psycholinguistics and Cognitive Science* (pp. 87–106). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.
10. Seager, W., & Bourget, D. (2007). Representationalism about consciousness. In M. Velmans, & S. Schneider (Eds.), *The Blackwell Companion to Consciousness* (pp. 261–276). Oxford: Blackwell Publishing.
11. Seleskovitch, D., & Lederer, M. (2002). *Pédagogie raisonnée de l'interprétation* (2nd ed.). Brussels: Didier Érudition.
12. Sperber, D., & Wilson, D. (1995 [1986]). *Relevance: Communication and Cognition* (2nd ed.). Oxford/Cambridge: Blackwell.